

полушарій на монгольском языкѣ и монгольской письменности. Никаких «технических неудобств» от послѣдней, очевидно, не произошло, ибо дѣло находится в знающих и свое національное дѣло любящих руках.

Один из виднѣйших культурных работников Монгольского Ученаго Комитета г. Иши-Доржи в настоящее время является руководителем большой группы монгольской учащейся молодежи в Германіи и Франціи.

Калмыцкая Комиссія от души посылает г. Иши-Доржи, как и всѣм его питомцам, братскій привѣтъ и пожеланіе плодотворной

работы на благо и процвѣтаніе своей Родины.

Калмыцкая Комиссія посылает свой братскій привѣтъ верховному руководителю Монгольской науки, искусства и культуры — Монгольскому Ученому Комитету. Далеко он от нас пространственно, но близок нашему сердцу и уму.

Пусть снова и снова возродится и окрѣпнет имя монголов, но не в качествѣ непобѣдимых завоевателей, а как братскій член цивилизованной семьи народов...

Да будут мир и благо!..

Десять лѣтъ (Арван Джил) Совѣтской власти.

В ноябрѣ истекшаго года прошло восемь лѣтъ, как впервые в своей исторіи три тысячи калмыков прибыло на берега Босфора и Мрамарнаго моря. Прибыло не ради развлечения, веселья, а врагами изгнанные на чужбину.

Помните ли, братья, нынѣ разсѣянные по углам и уголкам Европы и Африки, как в холодные, дождливые ноябрьскіе дни 1920 года, голодные, грязные, разбросанные по разным кораблям, тоскующіе и рвущіеся друг к другум, вы, один за другим прибывали к чужим берегам, к дотолѣ незнакомым, чужим народам.

Позади Крым, Новороссійск, Кубань, Маньч, Егорлык, Лопанка, грязь невылазная, разстрѣлы, кровь, стоны, смерть, погром, горе небывное, незабываемое, ужасы непередаваемые, Черное море, муки жажды, голода.

Потом из Константинополя одних увезли в Требинье, других в Болгарію, иных расселили по лагерям, а потом бросили на остров Лемнос.

И многое, многое было потом, когда мы несли горькую жизнь изгнанія, жизнь чужбины.

Наша эмигрантская калмыцкая семья нынѣ разсѣялась: во Франціи, Югославіи, Болгаріи, Чехословакии, Польшѣ, Африкѣ. Разлученные друг от друга с тоской и болью в душѣ безсильно тянутся друг к другу отцы, дѣти, братья: на чужбинѣ же мы соединиться бы между собою, вмѣстѣ бы пожить, горе и радость дѣлать.

Но бѣгут дни за днями, проходит недѣля за недѣлей, годы уходят, а мы все еще на чужбинѣ, ѣдим горькій хлѣб изгнанія. А когда этому конец? Сойдемся ли? Будем ли когда вмѣстѣ на родной землѣ, за родными очагами?

Кому открыто будущее, кто знает книгу судеб?..

Как все это случилось. Почему. Или все совершившійся страшный сон, кошмар? Чавас-а.— Увы. Перед нами сама тяжелая, печальная дѣйствительность.

Мы, калмыки, уже восьмой год вдали от родных Земель, вдали от нашего народа, наших степей, среди чужих народов, в чужой обстановкѣ. Волей судеб несущіе бремя эмиграціи, во всѣх странах, принявших, пріютивших нас, мы упорно боремся за жизнь, стараемся приспособиться к условіям жизни каждой страны.

Нелегка эта суровая, трудная жизнь, но, напрягая всю свою энергію, развивая всѣ свои

силы, калмык-эмигрант всюду с честью отстаивает свое существованіе.

Но за постоянными заботами о завтрашнем днѣ калмыку-эмигранту остается мало времени, чтобы порою уметвенными взорами окинуть прошлое, осознать, как оно произошло. А нужно временами это дѣлать, дабы не раствориться в тяжелой дѣйствительности и не стать слѣпым рабом своего сурового труда, чтобы не утратить своего нравственного и національнаго облика и не забыть горестей и страшных жертв своих и своего народа, дѣлаясь слѣпым и безразличным к своему и своего народа прошлому, настоящему и будущему.

Да, тяжела трудовая жизнь нашего изгнанника-брата, калмыка, но не может и не должна она ни на минуту заслонить его мысль; его достоинство и честь требуют строгаго уметвеннаго и душевнаго прозрѣнія. Желаніе избѣгать в будущем ошибок требует осознанія не только своего настоящаго, но и прошлаго.

*

Немного нас, калмыков, было в Россіи, а калмыков-донцов и того меньше. Не нужно напоминать нам, какая так недавно была жизнь, какое хозяйство и сколько добра было у нас, калмыков-донцов.

Наши юноши, малыми дѣтьми выѣхавшіе из Россіи, и дѣти, родившіяся на чужбинѣ *уже* не знают своих станиц-аймаков, слабо знают свой родной язык, своих родственников, своего рода-племени — ясан. Нашим юношам и дѣтям почти непонятно, что такое аха-дюнэр, нага-цанар, зэнэр, бюлялид и т. д. (родственники по мужской и женской линіям).

А знают ли наши дѣти и юноши калмыцкія дѣтскія игры, наши національныя празднества, калмыцкія ширшества, простыя, незатѣйливыя, но сильныя, захватывающія. Нѣтъ, не видали они их.

А наши хурулы, богослуженія с молитвами, пѣніем духовенства и вѣрующих, духовную музыку, эту своеобразную, интересную и красивую поэзію! Ничего этого не видали наши эмигрантскія дѣти и мало помнят наши юноши и молодые люди. Их мысли и души не могли и не успѣли пріобщиться, прочувствовать своеобразіе и прелесть нашей національной кал-

мышкой жизни, ее интересные особенности, ее национальную поэзию. А старшие эмигранты-калмыки, с душевной болью неся в себя образы и переживания прошлого, с горечью и тоской тянут свою эмигрантскую повседневницу.

Чтобы понять настоящее, оглянемся назад.

Мы должны припомнить в недавнем прошлом два величайших события, как галаб'ы (геологические или космические перевороты) проведенная пограничная борозды в нашей жизни. Но роковым является собственно одно событие, ибо именно оно повлекло страшные потрясения и разрушения нашей национальной жизни.

Это событие недавно торжественно праздновалось в Советской России: это, т. н., октябрьская революция 1917 года в Петербурге, проведенная партией большевиков-коммунистов. Это — они положили начало власти, называющейся «советской», десятилетия коей недавно праздновалось.

Большевики под водительством своего вождя Ленина с целой плеядой его знаменитых товарищей, начиная с Троцкого, Зиновьева, по всей России понесли свою советскую власть, торжество своего нового учения — большевизма.

Большевики и их вождь Ленин на весь мир обещали всем трудящимся дать «мир», труд, невиданную, небывалую дотолку свободу, социалистический строй, конец бедности. Для вѣрности своего торжества вожди большевизма своим людям разрешили грабить все нещадно («грабь награбленное»), убивать «буржуев», офицеров и вообще «контр-революционеров». Определять, кто подходит под этот сорт людей мог любой большевик, любой красноармеец, как и когда им вздумается и взбредет.

Советская власть некоторым кажется уже окрѣпшей навеки и, может быть, иные из наших братьев-калмыков забыли, что происходило десять лет тому назад: как день за днем все глубже и глубже наносились раны в тело, в душу нашего народа, как день за днем отнималось у нас и разрушалось наше добро, как день за днем издѣвались над всем, чему мы вѣрили, что мы чтим, чему поклонялись, над всем святым, неприкосновенным. Может быть, за десять лет некоторые из наших братьев забыли, как апостолы нового ленинского учения не щадили, поганили наши духовно-религиозные святыни, позорили честь жены, женщины.

Нынешние господа России 7-го ноября истекшего года торжественно при стечении чуть ли не миллионного народа, при многочисленных делегациях из-за границы праздновали десятилетний юбилей своей власти. Парадировали войска, шли безчисленные организации, торжественно реяли красные знамена, тысячи казенных голосов пѣли гимн большевиков «интернационал». Большевикам есть чему радоваться: они царствуют над всеми народами России, над их мыслью, душой, добром. Они властны над честью и жизнью *всѣх*.

Вспомним и мы, как десять лет тому назад большевизмические ловкачи принесли «мир», радость, преусиблие калмыцкому народу.

Кто из донских калмыков не знал Ики-Бурул Платовской станицы. Кто на Дону не знал т. н. Гремучего Колодца — этого вѣчно гремя, журча

пробивающегося родника. Он образовал прекрасное озеро. Недалеко от этого родника был величественный буддийский монастырь хурул. Завсегда некогда своей буддийской паствой управлял замѣчательный буддийско-ламайский дѣятель и религиозный глава Донских калмыков Лама Аркад Чубанов.

Платовский хурул был красивым культурным оазисом уголка Калмыцкого народа. Завсегда были лучшие храмы, каменная изгородь, опрятные и красивые домики гелюнов буддийских монахов), лучшая библиотека из многочисленных буддийских тибетских, монгольско-калмыцких книг, рукописей, лучшая коллекция литых, лѣнных и рисованных буддийских изображений, картин. Лама Аркад Чубанов импровизировал всем, не исключая и русского начальства. Видать и слышать его прѣзжали отовсюду. Храмы и домики скрывались под зелень сада. Дисциплина и строгость, введенная Ламой Чубановым были известны всем духовным и мирянам. Высоко поднял престиж своего хурула покойный Лама...

Вот на эту станицу и хурул большевики в первую голову направили свое «дѣйство», разстрѣляв многих, десятки ни в чем не повинных калмыков они посадили в Сальскую окружную тюрьму. Во главе заключенных был сам Бакша (настоятель) Платовского хурула Манчуда Боринов, в молодости — ученик и приближенный Ламы Чубанова.

Большевизм столкнулся с буддизмом.

Но ученики кроткого учения Будды оказались бессильны перед кровавыми аргументами большевизмического учения. Хурул был разграблен, разрушен и главный храм сожжен. Все книги были изорваны на куски или отдѣльными листами разбросаны по степи. Самые буддийские изображения подверглись неслыханным глумлениям и надругательствам. Прекрасный литой Будда, поставленный среди хурула, был мишенью для воинства нового учения.

Все духовенство, ища спасения от диких орд большевиков, разбѣжалось куда глаза глядят. А глава их — Бакша Боринов в тюрьме ожидал часа разстрѣла. Одновременно с арестом Бакши Боринова были истреблены почти все его родственники в количестве десяти дворов, не были пощажены и младенцы. Вся станица была разгромлена, а население большею частью спаслось бѣгством в степь.

Четырем калмыцким школам станицы пришел конец.

Носители нового, большевизмического учения правильно наметили врагов своих: они разгромили религию, школу, пытались истребить всю интеллигенцию, разрушили одним махом хозяйство калмыков-казаков Платовской станицы. Разстрѣлами и убийствами уменьшили число предполагаемых своих врагов и собрались отсѣчь их голову — Главу Платовского хурула Бакшу Боринова. Но к счастью для него и для его паствы подошла часть Добровольческой Армии и избавила их от вѣрной смерти. Теперь Бакша Боринов в эмиграции.

Заодно большевики положили конец *первому* крупному и *единственному* разсаднику калмыцкой интеллигенции: Калмыцкому Паве-

ону для мальчиков и девочек в станицѣ Великокняжеской. В этом пансіонѣ было 40 реалистов и человек 35 девочек-гимназисток. Первая медичка-студентка калмычка Марія Курашева была разстрѣляна большевиками. Участи Платовскаго Хурула подверглись: Батлаевскій, Денисовскій, Иловайскій, Кутейниковскій, Власовскій, Граббевскій. Одна и та же судьба постигла все книги, изображенія, картины. Бакша Кутейниковскаго хурула зарублен большевиками. Старый Власовскій Бакша умер в степи на Кубани во время бѣженства. В изгнаніи на островѣ Лемносѣ умер старый Батлаевскій Бакша Немгиров. Он был в молодости известным живописцем и пользовался большой популярностью. В эмиграціи скончался Чунусовскій Бакша Цебеков. В эмиграціи находится четыре бакшей.

Из 50-ти слишком калмыцких школ ни одна не уцѣлѣла, но в настоящее время величайшими усилями, говорят, возстановлены 3—4 школы. Все калмыцкія станицы разгромлены до неузнаваемости и совершенно стерта с лица земли Ново-Алексѣевская станица.

Калмыцкое хозяйство разрушено совершенно и вновь создается из-под пепла.

Всем известно, что народ наш не мог похвалиться значительным количеством интеллигентных сил, каждый, даже скромно образованный, человекъ был на примѣтѣ и учетѣ. Два студента — Эрдне Нуков и Батырь-Церен Адуцинов умерли: первый в изгнаніи на островѣ Лемносѣ, второй, не выдержав мытарств гражданской войны, на степях Кубани.

Самым звѣрским образом был убит окончившій Александровск Лицей в Петербургѣ молодой человекъ Мѣнка-Тѣмэр-Тюмень — потомок Хошутовских князей. По всем своим моральным и интеллектуальным качествам несчастный Тѣмэр подавал самую блестящую надежду. Разстрѣляни известный среди калмыцкаго народа крупный хозяин, известный общественный дѣятель подѣсаул Бадма Бакбушов. Он вмѣстѣ с Тюмень был большевиками брошен в общую яму на станицѣ Зимовники. В одной из экономій Б. Бакбушова был разстрѣлян его сын, 19-ти лѣтній юноша. В районѣ Великокняжеской станицы убит большевиками известный на Дону полковник Мангатов. В степи от бѣженческой жизни умер известный общественный дѣятель и учитель Цеден Лялин.

Не выдержав всех лишений, испытаній от обстановки гражданской войны, в своем полуразрушенном и сожженном Хурулѣ умер выдающийся Духовный Глава Донских калмыков Бакша-Лама Борманжинов.

Не исчислить жертв, не перечестъ тяжких ран, не рассказать всего того горя, несчастья, которыя принесли большевики Калмыцкому народу на Дону.

Пусть вспомнит каждый калмык все событія в своей жизни и своего народа за десять лѣт советской власти. Тогда ему будет ясно, что принесли нам, калмыкам, большевики со всеми своими вождями, воинами, друзьями.

Может быть, у иных наших братьев ослабла память о «заслугах» нынѣшних князей и царей Россіи, а иные, может быть, забыли и вовсе о тѣх

«заслугах». Но вспомните они по-позже, в тѣ дни, которых большевики не перейдут, не перескочат, когда им дѣйствительно воздадут заслуженное за все их опыты, разрушенія, расправы над всеми и в частности над нашим народом.

Воздаяніе за заслуги большевикам начинается: собственными руками они начинают душиить своих вождей. Не может быть спору, что рядом с Лениным вторым вождем, апостолом большевизма и знаменитым творцом красной арміи был Троцкій. Теперь он, гонимый униженный вождь слабой и жалкой оппозиціи, сослан своими же товарищами в ссылку в Среднюю Азію.

Вожди оппозиціи несомнѣнно выдающіеся большевики, но они теперь жестоко преслѣдуются своими же. Все они сосланы в мѣста не столь отдаленныя и весьма отдаленныя.

Нынѣшній диктатор Россіи Сталин и его сподручные — вот жестокое и фатальное орудіе в руках исторіи, выносящее приговор над большевизмом и начинающее карать и воздавать заслуженно вождям захватнической власти в Россіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что явятся силы из лона большевиков против Сталина и всего советскаго режима, ибо стихійный рост національно-культурнаго, общественнаго и экономическаго процессов народов Россіи, как игрушечный домик, выбросит все хитроумныя постройки большевиков, дѣйствуя до тѣх пор, пока, наконец, государство не найдет настоящей національной, а не партійной формы бытія и не выйдет на широкій путь свободнаго народнаго строительства.

Когда все это случится? Невозможно даже приблизительно предсказать это, но несомнѣнно так это будет. Только нужно имѣть непоколебимую вѣру в торжество развитія жизни и здраваго смысла над замысловатыми постройками большевиков.

В началѣ этой статьи я упомянул еще об одном важном обстоятельстве, десятилѣтіе коего почти год тому назад праздновалось, но далеко, далеко не так громко, как десятилѣтіе советской власти. Об этом обстоятельстве упоминаю пока лишь вскользь, чтобы только отмѣтить величайшую разницу между этими двумя историческими событіями.

Это обстоятельство — февральско-мартовская революція 1917 года, против коей вели бѣшенную борьбу именно большевики. Выше я показал, что нам принесли большевики.

Что же нам принесла февральская революція? По февральской революціи наш округ лишь по имени стал дѣйствительно нашим.

Появились заѣдатели из калмыков, полицейскіе урядники, стражников стала масса. Один из помощников Округнаго Атамана стал калмык, один из отвѣтственных чинов Округнаго Управленія был также калмык, появились писаря калмыки. Округное управленіе стало нашим, своим, близким. Округной Атаман уже был не громовержец, а тѣм, кѣм и должен быть руководитель — руководителем округнаго управленія и округными дѣлами.

Возрождение Дона, его былой вольности призывали к жизни Войсковой Круг, как высший и верховный орган Донского Казачества. Казаки-калмыки, приняв на совершенно равных началах участие в судьбах Дона, естественно приняли участие и в высших исполнительных его органах.

Донское Казачество отнеслось к Калмыцкому народу, как к своему меньшему уважаемому брату.

Школы в калмыцких станицах стали в полном объеме введением наших станиц и национализация их зависела только от нас, от наших культурных сил.

В войсковых частях калмыки-казаки были объединены в одной войсковой единице.

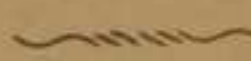
Перед культурным самоопределением нашего народа не было никаких препятствий. О политическом самоопределении никаких разговоров между калмыками не было. Сотрудничество с казаками-русскими понималось, как самое разумное и справедливое. Не исключалось в известной форме объединение с калмыками других губерний, областей.

От февральской революции мы, калмыки, получили действительную свободу, перед нами открывалась прекрасная возможность национального развития. Но... победа другой революции — большевизма, все разбила, разрушила, загасила, задушила. Большевики отыгрываются на «самоопределении» народов. «Самоопределение», когда оно по рецепту большевиков, не больше того...

*

И еще одним обстоятельством в жизни донских калмыков ознаменовалось десятилетие советской власти: домогательствами большевистствующих калмыцких деятелей из Калмыцкой Автономной Области часть наших братьев-донцов переселилась в Ставропольскую губернию в Большедербетовский улус. Этим актом еще больше были обезлюдены, обезсилены, разоружены наши станицы, еще больше обнажены наши юрты, больше открыты возможности для вселения на них переселенцев из других мест России.

Под лозунгом «объединения» Калмыцкого народа большевистствующие калмыцкие деятели разорвали живое тело донских калмыков на две части. Часть Донских калмыков-казаков, осиротив семью калмыцкого народа на Дону, решила усилить Больше-Дербетский улус.

Россия и калмыцкий народ.

Переживаемый момент в истории России должен разрабатываться, как момент исправления «исторических ошибок» в смысле реорганизации внутренних социальных взаимоотношений. Русская жизнь в последнем отношении сильно отстала от ее внешне-политического развития и достижений. Из недр удельной системы вырос единый сильный государственный организм, который занял на мировой ниве пространство, равняющееся одной шестой части земного шара.

Этим территориальная емкость России обез-

Так все распыляясь, вырывая живые корни с насиженных мест, когда то из состояния мощного и знаменитого народа, калмыки дошли до настоящего состояния.

Большевистствующие калмыки нанесли донским калмыкам удар не меньший, чем настоящие большевики и их красные воины.

*

Итак, есть нам, донским калмыкам, о чем вспомнить 10-ти летие советской власти. А что было в течение этого десятилетия. Появившимся и незримым давлением и принижением, кое-как живут и развиваются покорные, пресмыкающиеся и ссылаются, исчезают там, в конце еще не погасли проблески мысли и неудержимо вырывающееся сознание человеческого и национального достоинства, чести. Но пусть сильна еще Советская власть, но час ее пробьет.

Жизнь сокрушит и разобьет эту беззаконную, кастовую власть и наш народ, разделяя участь других народов, пробыв еще неопределенное время под пятой большевиков, обретет истинную свободу.

Но в этом освободительном процессе роль калмыцкой эмиграции на судьбы нашего народа будет скромной, однако, значительность ее и сила будут зависеть от самой эмиграции, от того, в какой мере пробудятся ее национальное самосознание, идея национального возрождения нашего народа, в какой мере прозреть и окрепнет мысль каждого калмыка-эмигранта, в какой мере душа его проникнется желанием и волей проводить и действительно осуществлять идею возрождения калмыцкого народа не только на Дону или Калмыцкой Автономной Области, но и там, далеко-далеко на Востоке, в тех величайших областях, на безграничных центральных азиатских степях, высоких хребтах и горах, где некогда процветало царство Джангара, где жили, боролись и победы несли на своих «желто-пестрых» знаменах непобедимые калмыцкие национальные богатыри Джангар, Хонгор, Алтан-Чеджи, Кюндэ-гарта-Сабар и все их славные, бессмертные товарищи и соратники.

Обширные области Джунгарии, Урянхай, Кёкё-Нур'а, Алашани и братские области Монголии ждут проснувшуюся и рвущуюся вперед мысль европейских калмыков, калмыцкой эмиграции.

Б. Уланов.